

Горькие шанежки

Рассказ

Третий день над полустанком моросил дождь...

От сырости всё кругом насупилось, потускнело. Прибитая, лежала в огородах ботва, грустно клонились шляпки подсолнухов, на линии потемнел балласт и вода блестела на промасленных шпалах. Дождь загнал ребятню под крыши, колхозникам не давал убирать хлеб, мешал работать железнодорожникам. Ночами морось закрывала от машинистов неяркие огни семафоров, и, подходя к полустанку, паровозы начинали гудеть, требовательно и сердито.

В тот день по станции дежурил отец Лёньки Чалова. Переговорив по телефону с дежурным соседней станции, он вышел на крыльцо и посмотрел вдоль стены, под которой обычно собирались ребяташки. Никого не увидев, дежурный спустился с крыльца, обогнул здание и вошёл в коридор жилой половины. Поторкался в одну квартиру, в другую, но они оказались закрытыми.

— Когда надо, никого не найдёшь, — проворчал он, возвращаясь. — Куда это они подевались?

Проходя мимо двери в маленький и всегда пустующий зал ожидания с единственным диваном, Чалов услышал негромкую песню и заглянул в коридор зала. На сухом полу под стеной он увидел кирпичи, застеленные белыми тряпочками; около них лежала сумка с неумело нашитым красным крестом, а на одном из кирпичей прикорнул тряпичный заяц с забинтованной лапой. Тут же сидела девочка и, напевая, баюкала завернутого в лоскуты плюшевого медвежонка с перевязанной головой.

Это была Клара — семилетняя дочка начальника станции. Местная ребятня, непривычная к чудным именам, перекрестила её в Карлушку. Эта дразнилка очень подходила к круглолицей курносой девчушке, её и дома часто так называли.

— Вот как, — негромко кашлянув, проговорил Чалов. — Да тут настоящий медсанбат, оказывается!

Девочка быстро повернулась, лицо её осветилось улыбкой.

— Не-е, дядя Саня. Я тут в больничку играю.

— Ну, больница или медсанбат — разница невелика... А что же ты одна? Где ребята?

— Разбежались. — Карлушка вздохнула. — Лёнька ваш с Пронькой и Толиком ушли на кажарму... Варнаки шалашик в орешнике строят. А моего брата Серёгу мамка в Ужловую к доктору повежала...

— Ты когда же научишься буквы хорошо выговаривать? — улыбнулся Чалов.

Девочка опустила реснички.

— А вот когда в школу пойду...

За выемкой, в двух километрах от станции, поднимая в сырое небо столб дыма, пыхтел на подъёме паровоз.

Чалов присел, взял девочку за руку:

— Есть важное дело, Карлушка... Знаешь в деревне старика Колотилкина? Который продавцом в магазине работает?

Карлушка улыбнулась:

— А-а, этот дедушка салажки делать умеет, да?

— Точно! — обрадовался Чалов. — Дед Колотилкин и снабжает всех вас салазками... Так вот: нужно сейчас пойти к нему и сказать, что в военном эшелоне едет на фронт его сын Николай. Запомнила?

— Ага.

— И ещё скажи, что этот эшелон пройдёт у нас часа через два... Пусть поторопится. Поняла?

— Ага, — снова сказала Карлушка.

— Вот сколько! — Чалов показал растопыренные пальцы. — Два часа только. Скажи — сын Николай, танкист. Едет на фронт. Только ты сразу беги, сворачивай свой медсанбат! — повторил Чалов и заторопился: паровоз уже пыхтел на выходе из выемки.

— Ладно, дядя Саня... А куклы пусть пока полежат. Я вот жбегаю домой за мешком и пойду.

— Смотри не опоздай!

Через несколько минут, сообщив по линии о прохождении состава, Чалов опять вышел на крыльцо и на тропинке к переезду увидел торопливо идущую девочку в накидке из полотняного мешка. Карлушка сложила мешок углом в угол, получившимся капюшоном прикрыла голову и спину. Так в дождливые дни делали все ребятишки.

«Добежит ли? — подумал дежурный, провожая девочку взглядом. — Старику хоть бы глазом сына увидеть. На службу Колька ушёл два года назад, а теперь, не побывав дома, едет на фронт. Кто знает, увидит ли ещё стариков?.. Не подкачала бы кнопка малая...»

До села, лепившегося на косогоре, за широкой падью с речушкой посредине, недалеко — чуть больше километра. Взрослому или ребятам в ватажке — совсем пустяки. Но маленькой девочке, да ещё в дождь, по раскисшей дороге это непросто.

До пади Карлушка добралась смело и быстро: от переезда дорога шла по чистому месту, между покосом и полем. Но в низине она отвернула к броду, а девочке нужно было идти по тропинке к мосту через речку.

Узкая и сырая тропа вводила Карлушку в высокие кочки. Петляя меж редких кустов, она ничего не видела впереди и по сторонам. Только сырое, в тёмных разводах небо низко висело над головой. Как нарочно, из ближнего куста выпорхнула большая серая птица. Карлушка замерла от страха, привстав на цыпочки: она вся прислушивалась к опасности, которая могла ожидать её за каждым поворотом. Как хорошо, если бы появился кто-нибудь из взрослых и перевёл её через таинственно-пугающую падь... Но не было слышно ни шагов, ни говора, ни кашля. Только капали дождевики, ударяя по травам и листьям, что-то негромко шептали.

До села оставалось немного. Дойти до мостика, перебраться по нему, ещё пройти чуть-чуть по тропе с другой стороны речки и подняться на бугор. Там уже начинался машинный двор колхоза, стояли амбары и распахивалась широкая улица. Но туда ещё надо было дойти, а кругом всё загадочно, страшно...

Карлушке захотелось вернуться. Она даже отступила немного, но тут вспомнила серьёзное лицо дядьки Чалова, потом деда Колотилкина, сделавшего ей удобные и лёгкие салазки. Без неё он же не узнает о своём сыне-танкисте...

И, сжимаясь от страха, Карлушка двинулась дальше... Вздрагивая от чавканья воды под ногами, она прошла до мостка. Боясь поскользнуться на сыром, узком настиле, стараясь не глядеть вниз, в тёмную, как в омуте, воду, перебралась за речку. Уже когда она выходила из пади, её напугал длиннотелый зверёк, шмыгнувший меж кочек. Не выдержав, девочка бросилась бежать изо всех сил и тёмной горошиной покати-лась к вершине бугра.

Только на деревенской улице она перевела дух. Но неприятности ждали её и здесь. Когда она поравнялась с домом охотника Пронова,

из-за ограды верхом на подсолнухе выскочил заляпанный до колен восьмилетний Тараска Пронов. Он подхлестнул «коня» прутиком и грозно спросил:

— Ты чё пришла сюда?

Деревенские ребяташки всегда задирались со станционными, и от Тараски всего можно было ожидать. Но тут Карлушка постаралась не показывать страха.

— По важному делу иду... К деду Колотилкину, вот...

— Х-ха, к Колотилкину! — Тараска строго нахмурил выгоревшие брови. — А зачем идёшь?

— Их сын Колька на фронт едет... С танками...

Пока Тараска обдумывал такое серьёзное известие, из калитки вышел его старший брат Дёмка. Он турнул Тараску с «коня» и сердито спросил:

— Чего пристал к маленькой? Бабка тебя куда посылала?

Невозмутимый Тараска опять оседлал подсолнух. Но прежде чем умчаться по поручению, он скривил рожицу и пообещал Карлушке:

— Тебя ещё собаки-то покусают!

Дёмка погрозил вслед брату кулаком и сказал оробевшей Карлушке:

— Ты не слушай его, болтуна. Иди куда шла.

Торопливо шлёпая по лужицам, Карлушка миновала магазинчик и скоро подошла к дому старика. Но калитка и ворота были закрыты... Потоптавшись, девочка заглянула в щель ограды и негромко позвала:

— Деда-а! Дедушка-а-а!

Ей никто не ответил. Во дворе было тихо, на улице сумрачно и безлюдно. Только дождик всё шумел, лениво сыпя по крышам и лужам. Тут из проулка выбежала лопоухая собачонка. Карлушка ухватила руками за верх ограды, потянулась и, высунувшись из-за плетня, позвала ещё громче:

— Де-еда-а!

Её слышали: за летней кухонькой зарычала собака. Гремя цепью, она выскочила на середину двора и залилась лаем. Но тут на крыльцо вышел сам старик Колотилкин — высокий, с окладистой бородой и чёрными, глубоко посаженными глазами. Увидев торчавшую из-за плетня Карлушкину голову в мешке, он спустился с крыльца.

— Ты пошто на забор забралась, птаха малая? Зачем?

— Деда, деда! — затараторила было Карлушка, но тут она сорвалась и исчезла за плетнем, шлёпнувшись на траву у ограды.

Старик торопливо открыл калиточку, поднял гостью и, отряхивая с неё травинки, усмехнулся в бороду:

— Эх, неладная ты... Вот, поди, и ушиблась.

— Нет, деда, не ушиблась! — Карлушку радовало, что она добралась до места, что все страхи её остались позади и теперь-то её не дадут в обиду. Растопырив перед стариком два пальца, она торопилась сказать главное: — Вот, деда... Через столько вот часов через станцию пойдёт эшелон. И в нём едет на фронт ваш Колька... Танкист!

Старик ухватился за руку Карлушки.

— Колька, говоришь? На фронт едет?

— Ага, деда... А ты, деда, помнишь, мы с папкой приходили к вам жа салажками?

— Горе ты луковое! Салазки вспомнила... Иди-ка, иди вот сюда.

Прикрикнув на собаку, дед провёл Карлушку в летнюю кухню — сухую, тёплую, с запахом свежего хлеба и топлёного молока. Посадив гостью у чисто выскобленного стола, придвинул к ней большую чашку с румяными, пахнущими мёдом шанежками с творогом, налил в кружку молока.

— Поешь, птаха, поешь, — приговаривал старик. Он тоже присел было на скамью, но тут же приподнялся, встревоженно спросил: — Да ты не долго ли шла сюда?

— Нет, деда, — надкусывая шанежку, объясняла Карлушка. — Я всё бегом больше. А там птица ба-альшая, а я как испугаюсь... Чуть и не померла сразу...

— Бог ты мой, — тормоша кисет, взволнованно говорил старик. — Колька — на фронт... А старуха, лиха ей мало, в гости уехала. Вот же неладно всё как...

Так и не закулив, он сунул кисет в карман и стал шарить рукой под столом. Достав белый мешочек, начал укладывать в него шанежки, приговаривая:

— Хоть это старуха правильно сделала... Из последней муки надумала шаньгов испечь. Колька такие любит — творожные, на медке... Эх, Колька! Вот теперь на фронт едет! Чего же ещё? Ага, мёду туесок положим. В подполье варенья баночка есть...

Дед направился в дом, но из-за плетня его окликнула моложавая соседка с непокрытой русской головой.

— Чего заметался, Дорофей Спиридонович?

Старик шагнул к плетню.

— Понимаешь, Ульяна, какое дело... Колька наш на фронт сѣдни едет. С воинским эшелоном. Гостинцы вот ему собираю...

— Да ты что? — удивилась соседка. — А чего у тебя дома-то есть?

— Вот шаньгов насыпал, туесок мѣду кладу, варенья банку. Может, молока налить, а? Больше и нет ничего. И старуха не в час по гостям собралась...

— Можно и молока. Постой, лучше я тебе сейчас маслица вынесу. Сбивала вчера. А ты вот что... Ты посмотри, чего из тѣплого ему передать.

— Есть же, есть! — обрадовался дед. — Это ты хорошо подсказала!

Он убежал в дом, а соседка сорвала несколько капустных листьев и скрылась в своей избе.

Сидя у печки, Карлушка запивала шанежку молоком, обсыхала и отогревалась.

Вернувшись, дед положил на скамью безрукавку из мягкой овчины, шерстяные носки и варежки, кусок байки. Соседка передала ему два коlobка жѣлтого масла на капустных листьях.

— Эк, бабья сноровка! — похвалил дед.

— Сейчас, погоди, ещѣ кукурузы принесу, — сказала соседка. — Только сварилась. Сунешь в мешок, а им, солдатикам, всё в охотку будет. Это им что в родном доме побывать...

От спешки у деда всё валилось из рук, не уместалось в сумке. Карлушка взялась ему помогать, но тут в кухню вошла соседка. Она вытряхнула всё из сумки, уложила по-своему. В один носок сунула банку с вареньем, в другой — туесок с мѣдом и обернула их куском байки. В женских руках всё получалось легко, ловко, быстро. Через минуту сумка была собрана. Сверху в неё положили и белый мешочек с шанежками.

— Иди, старый, иди скорей! — торопила соседка деда. И тут же вздохнула: — Мой-то вот где теперь? Второй месяц письмеца нету...

Надевая на голову кепку, дед тоже вздохнул:

— Напишет, Ульяна... Плохого не думай, напишет.

Выйдя за калитку, он быстро зашагал вдоль улицы. Карлушка едва поспевала за ним. Старик перехватил сумку поудобнее и протянул девочке руку:

— Давай-ка опоринку, сорока-белобока... Поди, упарилась под мешком?

— Ой, да и нисколечко...

Около дома Проновых Карлушка опять увидела Тараску и, не удержавшись, показала ему язык. Тараска обомлел, захолопал глазами, потом погрозил кулачком, но сунуться не посмел.

День уже близился к закату, когда Карлушка с дедом, перевалив падь, подошли к переезду. Всё так же, то густея, то затихая, моросил дождь, и Карлушке было до смерти обидно, что ребятишки отсиживаются по домам и не видят, как она идёт рядом с дедушкой из деревни. Посмотрели б — тогда бы узнали, что и Карлушка кой-чего стоит...

Чалов встретил их на крыльце станции. Поздоровался с дедом за руку, погладил Карлушку по голове, улыбнулся и похвалил:

— Ну молодец, кнопка! Не испугалась, успела всё вовремя!

Они вошли в комнату дежурного, сели на диван, стоящий у стены, против аппаратов и стола. Закурив с дедом, Чалов объяснил, что о Кольке ему сообщил дежурный соседней станции, тому позвонил другой дежурный, а другому — ещё более дальний... Так по цепочке и шла весть, переданная дежурным с большой станции, к которому во время остановки эшелона успел забежать сам Колька.

— Вот оно как, — проговорил старик. — Не поленились, значит, люди, уважили просьбу солдата...

Услыхав звонок, Чалов подошёл к аппарату. Нажав нужную кнопку, он крутанул ручку и снял телефонную трубку. Послушал, посмотрел на часы, нахмурился. Повесив трубку на рычаг, вернулся к столу, что-то записал в журнале и только тогда повернулся к деду.

— Наш идёт, воинский... Только с опозданием он идёт. Состав тяжёлый, а тут всё подъемы. Не будет ему остановки у нас.

В аппарате опять что-то загудело, щёлкнуло, и Чалов вздохнул:

— Ну вот... Узловая даёт составу прибытие.

— А если... — Дед помолчал и, вроде стесняясь, негромко договорил: — Если не сразу ему семафор открыть, а?

— За такое, отец, тюрьма мне, — так же тихо ответил дежурный. — У нас в журналах отмечается и когда поезд прибывает, и когда ему открывается путь. Задержу я состав, к тому же воинский, а машинист скажет, что опоздал из-за закрытого семафора. Почему, спросят, был закрыт семафор, если прибытие дано вовремя?

Старик снова вздохнул и склонил голову. Карлушке, притихшей в углу дивана, тоже очень хотелось, чтобы состав остановился, чтобы дед встретился со своим сыном Колькой, едущим на далёкий фронт. И, жалея старика, она соскочила на пол.

— Деда, а ты жнаешь как жделай? Вот как папка мой один раз делал. Поезд шёл, а он вжал ужел в руки и ка-ак швырнёт его прямо в дверь-то!

— Это ты правильно говоришь, — похвалил её Чалов. — Да, — спохватился он, — а ты написал сыну хоть пару слов?

— Когда бы? — развёл руками дед. — И так всё бегом...

Из ящика стола Чалов достал бумагу, придвинул чернильницу с ручкой.

— Садись, пиши... Ещё есть пять-шесть минут.

Дед пристроился у стола и, размашисто двигая ручкой, начал писать Кольке письмо. Чалов вышел на крыльцо, чтобы увидеть приближение поезда. И опять маленькой Карлушке хотелось, чтобы поезд шёл тише, чтобы больше успел рассказать дед сыну. Но дежурный скоро вернулся, сказал:

— Пора... Уже показался из выемки.

Заторопившись, дед сунул письмо в сумку, обмотал её горловину тесёмкой, и они втроём вышли в предвечернюю мглу.

Укрывая лицо от дождя, Карлушка ждала. Поезд издали был похож на многоногое чудовище, гремевшее железными суставами. Паровоз уже выбрался на ровный участок и бодро набирал скорость.

— Ты ближе, ближе к составу, к той колее становись! — прокричал Чалов деду. — Смотри, во-он вроде бы машут!

Обдав всех паром, паровоз проскочил мимо, и за ним потянулись платформы с танками. Под частый перестук колёс приближались коробки вагонов. Увидев в дверях одного из них человека с поднятой рукой, Карлушка, подпрыгнув, звонко крикнула:

— Еде-ет! Вот он, деда!

Колотилкин приготовился и, когда вагон поравнялся с ним, бросил мешок, целя в приоткрытую дверь. Перетянутый ремнями, в гимнастерке с распахнутым воротом его сын Колька потянулся, стараясь подхватить сумку, но она ударилась низковато и, отброшенная стенкой вагона, отлетела в сторону. Танкист опять поднял руку, и через шум состава прорвался его крик:

— Будь здоров, батя-я! Прощай!

Эшелон уже гремел за переездом, а дед всё стоял в междупутье, не в силах оторвать взгляда от сигнальных огней на хвосте поезда. Он как будто всё ещё слышал и видел своего Кольку, исчезнувшего вдали с поднятой рукой.

— Надо же! — с горечью проговорил Чалов, подойдя к старику. — Не додумались дверь шире открыть... Эх, чёрт, досадно-то как!

Старик, не повернув головы, всё так же глядя вслед поезду, негромко сказал:

— Молодые они... Ждали, видишь, а с дверью-то не подумали...

Чалов ушёл на станцию докладывать о прохождении эшелона.

Согнувшись под мокрым мешком, расстроенная Карлушка смотрела в спину согнутого горем старика, не зная, что ему сказать и что сделать. Тихонько она подошла к отброшенной сумке, рядом с которой белел выпавший мешочек с шанежками. Уложив его на место, девочка протянула сумку старику:

— Вот, деда. Вожьми...

Старик обернулся, машинально взял сумку и, всё ещё поглядывая вдаль, с горечью выдохнул:

— Видишь, как оно у нас вышло всё? Неладно-то как...

Махнув рукой, он хотел было идти и только теперь увидел в своей руке сумку. Достал белый мешочек, протянул девочке:

— На-ко вот...

— Не надо, деда, — прошептала Карлушка. — Не надо...

— Бери, птаха, бери... Нам со старухой эти шаньги горькими будут.

Сгорбясь, старик двинулся по тропинке к переезду. Прижимая гостинец, девочка постояла в нерешительности и тихо пошла к дому.

Пройдя за угол, она остановилась у стены и достала из мешочка шанежку. Чувствуя всё тот же медовый запах, надкусила румяный краешек и, повернувшись, удивлённо посмотрела вслед старику... Шанежка была сладкой, как и те, которые она ела в кухне деда...